

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.61

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 15.11.2023**Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности****Л. В. Туманова**Тверской государственной университет, г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: gpipd@tversu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена процессуальным особенностям рассмотрения дел о лишении родительских прав на основе материалов судебной практики и теоретических исследований. Обращено внимание на наличие публичного интереса в предмете судебной защиты по делам о лишении родительских прав и необходимость в связи с этим выделения данной категории дел в особый вид гражданского судопроизводства наряду с другими делами, связанными с защитой прав несовершеннолетних. Исследованная судебная практика позволяет сделать вывод о сложностях в решении вопроса о наличии достаточных оснований для лишения родительских прав. Выявлена неэффективность такой меры, как предупреждения при отказе в удовлетворении иска о лишении родительских прав. Обосновано, что, поскольку признано, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, необходимо включать в предмет судебной защиты и вопросы о возмещении ущерба, так как ненадлежащее исполнение родительских обязанностей сопровождается часто тем, что пособия и выплаты на детей ответчик использует не по их целевому назначению. Целесообразно не только ставить вопрос о взыскании этих средств в пользу ребенка, но и непосредственно в судебном решении определять судьбу материнского капитала и также проверять, как были израсходованы эти средства. Выявлена неэффективность такой меры, как предупреждения при отказе в удовлетворении иска о лишении родительских прав. Жестокое обращение с ребенком и злоупотребление родительскими правами, бесспорно, причиняет моральные страдания и сказывается на здоровье ребенка, поэтому нужно решать вопрос и о компенсации морального вреда. Особо выделена проблема процессуального положения самого ребенка и учета его мнения. Обращено внимание на необходимость специального процессуального регулирования ряда вопросов, что в совокупности позволило сделать вывод о том, что дела о лишении родительских прав не соответствуют по своей материально-правовой природе ни исковому, ни особому производству.

Ключевые слова: лишение родительских прав; мера семейно-правовой ответственности; оценочный характер оснований для лишения родительских прав; судебское усмотрение; мотивация судебных решений; участие психолога; процессуальный статус несовершеннолетнего; заключение прокурора и органа опеки и попечительства.

Цитирование. Туманова Л. В. Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. Т. 9, № 4. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Туманова Л. В., 2023

Лидия Владимировна Туманова – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности, Тверской государственной университет, 170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 06.09.2023
Revised: 08.10.2023
Accepted: 15.11.2023**Termination of parental rights: litigation or application of family legal liability****L. V. Tumanova**Tver State University, Tver, Russian Federation
E-mail: gpipd@tversu.ru

Annotation: This article is devoted to the procedural features of the consideration of cases of deprivation of parental rights based on the materials of judicial practice and theoretical studies. Attention is drawn to the presence of public interest in the subject of judicial protection in cases of deprivation of parental rights and the need, in connection with this, to single out this category of cases as a special type of civil proceedings along with other cases related to the protection of the rights of minors. The studied judicial practice allows us to conclude that it is difficult to resolve the issue of the

existence of sufficient grounds for deprivation of parental rights. The ineffectiveness of such a measure as warnings in case of refusal to satisfy the claim for deprivation of parental rights was revealed. It is substantiated that, since it is recognized that the deprivation of parental rights is a measure of family legal responsibility, it is necessary to include in the subject of judicial protection and questions of compensation for damage, since improper performance of parental duties is often accompanied by the fact that the defendant uses benefits and payments for children not according to their intended purpose. It is advisable not only to raise the issue of collecting these funds in favor of the child, but also to determine the fate of the maternity capital directly in the court decision and also to check how these funds were spent. The ineffectiveness of such a measure as warnings in case of refusal to satisfy the claim for deprivation of parental rights was revealed. It is substantiated that, since it is recognized that the deprivation of parental rights is a measure of family legal responsibility, it is necessary to include in the subject of judicial protection and questions of compensation for damage, since improper performance of parental duties is often accompanied by the fact that the defendant uses benefits and payments for children not according to their intended purpose. It is advisable not only to raise the issue of collecting these funds in favor of the child, but also to determine the fate of the maternity capital directly in the court decision and also to check how these funds were spent. Cruelty to a child and abuse of parental rights, no doubt, causes moral suffering and affects the health of the child, so it is necessary to resolve the issue of compensation for moral harm. The problem of the procedural position of the child himself and taking into account his opinion is highlighted. Attention is drawn to the need for special procedural regulation of a number of issues, which together led to the conclusion that cases of deprivation of parental rights do not correspond in their substantive nature to either action or special proceedings.

Key words: deprivation of parental rights; measure of family legal responsibility; evaluative nature of the grounds for deprivation of parental rights; judicial discretion; motivation of judicial decisions; participation of a psychologist; the procedural status of a minor; conclusion of the prosecutor and the body of guardianship.

Citation. Tumanova L. V. *Lishenie roditel'skikh prav: iskovoe proizvodstvo ili primeneniye mery semeino-pravovoi otvetstvennosti* [Termination of parental rights: litigation or application of family legal liability]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-4-53-61> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tumanova L. V., 2023

Lidia V. Tumanova – honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement, Tver State University, 33, Zhelyabova Street, Tver, 170100, Russian Federation.

Актуальность исследования судебного порядка лишения родительских прав обусловлена прежде всего печальной статистикой, свидетельствующей о том, что число таких дел в судах не уменьшается и при этом сохраняется значительный уровень «латентности» нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних родителями и другими членами семьи. Казалось бы, инстинкт продолжения рода, который присущ даже растениям, должен у человека проявляться в заботе о своем потомстве, но у отдельных людей, вероятно, происходит «сбой программы», и они вместо родительской заботы проявляют крайнюю степень жестокости по отношению к своим детям. Причем нередко об этом знают окружающие, но, не понимая глубины и многогранности конституционных прав на неприкосновенность частной жизни и жилища, полагают, что не должны вмешиваться в семейную жизнь других людей.

Родительские отношения связывают самых близких людей, но во многом они обусловлены не только чисто генетическими, но и многими морально-психологическими факторами, и по общему правилу конкретное содержание этих отношений не требует вмешательства государства. Семейное право в целом представляет неразрывную связь частного и публичного, как объекта правового регулирования, и особенно во всем, что касается обеспечения прав и интересов детей. В соответствии со статьей 38 Конституции РФ материнство, детство и семья находятся под защитой государства, и при этом забота о детях за-

креплена как одновременное право и обязанность родителей. Таким образом, право на воспитание ребенка одновременно является обязанностью, а значит, должна наступать ответственность как в случае злоупотребления этим правом, так и при уклонении от его реализации. Закон не может и не должен предписывать родителям содержание и методы воспитания, формы взаимодействия с ребенком, здесь многое обусловлено семейными традициями, уровнем общей культуры родителей, наклонностями и способностями детей. Главное, чтобы родители проявляли должную заботу о воспитании, образовании и здоровье детей, не злоупотребляя своими родительскими правами, осознавая, что ребенок – самостоятельный субъект права, а не объект, как было давно в прошлом.

Специфика семейных правоотношений исключает принуждение к осуществлению личных прав, нельзя решением суда заставить читать ребенку сказки, петь песни и общаться с ним, заставить исполнять можно только обязанности имущественного характера. А вот семейно-правовая ответственность предусмотрена за нарушение любых родительских обязанностей. Необходимость обеспечить баланс между частными и публичными интересами является основой правового регулирования семейных правоотношений и должна быть основой для определения способов судебной защиты этого.

Семейно-правовая ответственность существенно отличается от других видов юридической ответственности, и хотя уже достаточно много

исследований посвящено этой проблеме, в том числе в контексте применения института лишения родительских прав, многие вопросы остаются нерешенными. В первую очередь это относится собственно к содержанию ответственности при лишении родительских прав и процессуальному порядку ее применения.

Статья 69 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав, но при этом большинство этих оснований имеют оценочный характер, поэтому суд в каждом конкретном случае должен установить, подпадают ли те или иные действия либо бездействие родителей под определения «злоупотребление родительскими правами», «жестокое обращение», «уклонение от выполнения родительских обязанностей». Таким образом, при рассмотрении этих дел особое значение приобретает судебское усмотрение. Но еще ранее своим усмотрением руководствуется другой родитель, законный представитель, также органы и организации, которым в соответствии со статьей 70 СК РФ предоставлено право возбуждать в суде дело о лишении родительских прав. Практика показывает, что усмотрение таких органов далеко не всегда соответствует прежде всего интересам детей. Так, вызывает определенные сомнения решение Заволжского суда города Твери [1] по иску Государственного казенного учреждения Тверской области «Центр социальной поддержки населения города Твери» об ограничении родительских прав матери в отношении несовершеннолетней дочери, хотя семья состоит на учете во всех субъектах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как семья, находящаяся в социально опасном положении, а сама мать неоднократно привлекалась к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Суд удовлетворил этот иск, к нему не может быть претензий, так как нет права перейти к более «жесткой» мере, только наоборот. Но насколько обоснованно было такое требование, заявленное в суде, само содержание решения вряд ли оставит у кого-то сомнения, что никакого улучшения не наступит, и надо было сразу обращаться с заявлением о лишении родительских прав. А сколько еще ситуаций, которые вообще не попадают в поле зрения соответствующих органов. Еще более страшная ситуация, когда жестокое обращение допускает один из родителей, а второй скрывает эти факты домашнего насилия. Конечно, эта проблема имеет много аспектов, которые не разрешить только лишением родительских прав, но это может защитить ребенка. Ведь самое ужасное, что нередко жестокость к ребенку формирует и у него соответствующую установку как способ общения с людьми.

Встречаются ситуации, когда суд не усматривает оснований для лишения родительских прав, основываясь в том числе на позиции представителей органа опеки и попечительства. Так, апелляционным определением Тверского областного суда [2]

было отменено решение Заволжского районного суда города Твери об отказе в иске о лишении родительских прав матери ребенка к его отцу. В этом определении было прямо указано, что не соответствует интересам ребенка утверждение о преждевременности лишения родительских прав ответчика, которые были в заключениях органа опеки и попечительства и прокурора. В этом отмененном решении [3] усматривается противоречие самих мотивов вывода, поскольку указано, что ответчик ненадлежащим образом выполняет свои родительские обязанности и привлекался к административной ответственности за неуплату алиментов, поэтому очень странно, что суд первой инстанции решил ограничиться тем, что предупредил ответчика.

Как показывает практика, осторожность суда в применении такой меры, как лишение родительских прав, и «предупреждение» ответчика почти никогда не способствуют изменению поведения родителя и, значит, противоречат интересам детей. В решениях о лишении родительских прав нередко встречается, что ранее суд предупреждал уже этого родителя (коим и назвать его трудно), но это не дало необходимых результатов [4].

Не имеет обычно положительных последствий, когда ответчик заявляет встречное требование об определении порядка общения с ребенком, в результате стороны заключают соответствующее мировое соглашение. Но ведь это соглашение родителей, а ребенка трудно заставить начать общаться с родителем, если до этого он несколько лет не поддерживал отношений. В таких случаях родитель, с которым проживает ребенок, как правило, делает вторую попытку лишить другого родительских прав, но суд чаще всего руководствуется желанием родителя наладить отношения и отказывает в иске [5]. При этом остается без должного внимания мнение самого ребенка, а также то, что при благоприятном развитии отношений родительские права можно вернуть. Трудно утверждать, что в таких случаях главным выступают интересы ребенка и соблюдается баланс частных и публичных интересов.

Конечно, не должен удовлетворяться абсолютно каждый иск о лишении родительских прав. Не будем забывать, что злоупотребление может быть не только родительскими правами, но правом на лишение этих прав. Практика показывает, что использование иска о лишении родительских прав может иметь совершенно иную цель, отличную от той, которую предполагает статья 69 СК РФ. Обращение в суд бывает связано с тем, чтобы не возникало вопросов при усыновлении ребенка мачехой или отчимом, чтобы не согласовывать выезд ребенка за границу, желание «обезопасить» ребенка в дальнейшем от возможных требований родителя по его содержанию, все подобные мотивы трудно предугадать, это может быть и желание получить статус матери-одиночки и соответствующие этому льготы. Поэтому суд должен очень тщательно исследовать все обстоятельства дела.

Поскольку статья 69 СК РФ содержит исчерпывающий перечень, то очень важно толкование каждого основания для лишения родительских прав. При этом надо учитывать меняющиеся реалии жизни. Следует согласиться с мнением К. Н. Сапрыкина о том, что необходимо оценить такие нарушения прав и интересов ребенка, как несвоевременная регистрация рождения ребенка, «вредоносное» имя, выбор учебного заведения, не соответствующего уровню развития и интересам ребенка, и установить ответственность [6, с. 10].

Необходимо осознать, что жестокое обращение и злоупотребление родительскими правами могут быть и результатом «благих намерений», когда родители хотят в ребенке реализовать то, чего не достигли сами, вопреки здравому смыслу, здоровью, психологическим особенностям, склонностям и желаниям ребенка. Разве не жестокость – дать ребенку имя, которое по определению будет служить поводом для насмешек и издевательств.

Жизнь изменилась, сейчас, к великому сожалению, окружающий мир содержит гораздо больше опасностей для ребенка, поэтому необходим совершенно иной подход к тому, что считать надлежащим воспитанием. Изменились основы семейного взаимодействия и общения в целом и, конечно, между родителями и детьми.

Жестокое обращение с детьми всегда было в тех или иных пределах и формах, но много веков мораль и право совершенно иначе оценивали отношения детей и родителей. Свод законов Российской империи содержал специальную главу «О родительской власти», согласно этим нормам у детей не было никаких прав, а родители имели безграничную власть и дозволялись самые жестокие меры воздействия «в воспитательных целях». А вот дети не могли рассчитывать ни на какую защиту, суды не имели права принимать от них заявления на родителей. Соответственно, о такой мере, как лишение родительских прав, и речи не было, даже в период Великой реформы.

Впервые возможность лишения родительских прав была предусмотрена только в 1918 году в Кодексе законов об актах гражданского состояния, браке, семье и опеке. Далее этот правовой институт постоянно развивался в нормах семейного законодательства. К сожалению, это мера не стала исключительно превентивной, и число дел в судах о лишении родительских прав не уменьшается.

В большинстве случаев лишение родительских прав связано с тем, что родитель, а нередко и оба совершенно устраняются не только от воспитания, но даже от простого общения с детьми, которых помещают в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, а затем передают под опеку, но при этом, как следует из решения Ржевского городского суда Тверской области [7–9], с иском о лишении родительских прав орган, выполняющий функции опеки и попечительства, обратился только через четыре года. Вряд ли можно признать, что это соответствует интересам детей, родители которых вообще забыли о них и даже не явились

в суд, который решал, лишать ли их родительских прав.

Практика показывает, что временное ограничение в родительских правах также не дает необходимого результата, и в дальнейшем это заканчивается решением о лишении родительских прав [10].

Как уже отмечалось, применение оснований для лишения родительских прав предполагает судебское усмотрение, но иногда усмотрение разных судей на сходные ситуации отличается кардинально. Так, по одному делу, где мать просила лишить родительских прав отца ребенка в связи с тем, что он длительное время уклоняется от выполнения родительских обязанностей и ни в какой форме не общается с сыном, в судебное заседание не явился, решением Ржевского городского суда иск был удовлетворен [8]. Другой судья в сходной ситуации, которая, как представляется, даже более трагична, поскольку мать более четырех лет не видела сына, не проявляет интереса к нему, имеет задолженность по алиментам и привлекалась к ответственности за это, в заседание суда не явилась. Прокурор и представитель органа опеки и попечительства в своих заключениях признавали требования истца законными и обоснованными, судья почему-то решила, что надо дать шанс для установления контакта с сыном, хотя у ответчицы есть еще старший сын, воспитанием которого она также не занимается, и отказала в иске [9], ограничившись предупреждением.

При анализе судебных решений по делам о лишении родительских прав возникает смутное ощущение, что поддерживаемая веками «родительская власть» влияет на уровне генов на сознание многих людей, включая даже судей. Иначе трудно объяснить, почему так долго не решаются обратиться в суд, а потом еще суд надеется, что его предупреждение о необходимости изменить поведение повлияет на ответчика, который при этом не пожелал даже явиться в судебное заседание.

Некоторые представления о взаимоотношениях в семье еще определенным образом формируются на основе сказочных сюжетов. А. С. Пушкин нам всем оставил завет: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Но правильно ли мы понимаем эти намеки. Ведь эти сюжеты соответствовали совершенно другой эпохе, но мы должны их осмысливать с современных позиций. Не хочется уподобляться юмористам, которые пародируют в том числе и сказочные сюжеты, но анализ некоторых моментов представляется важным с позиции современной жизни. Группе студентов был задан вопрос, какие правовые ситуации они находят в сказках «Золушка» и «Морозко». Практически все говорили о неправомерном поведении мачехи в той и другой сказке, но были практически удивлены, услышав, что надо было в обоих случаях лишать родительских прав отцов, поскольку родители несут ответственность за воспитание и развитие детей (ст. 63 СК РФ), и защита прав и интересов детей является обязанностью родителей (ст. 64 СК РФ), а не отчима и мачехи. В наше время

случаи насилия и жестокого обращения с пасынками и падчерицами, как свидетельствуют средства массовой информации, приобретают иногда просто чудовищные формы, при этом родные матери и отцы не защищают своих детей, отдавая предпочтение своим сожителям. А ведь если посмотреть с правовой точки зрения, все, как в этих сказках, получается не так: «намеки» мы понимаем вроде того, что страдания ребенка должны привести его к счастью. Но, увы, в реальной жизни все совсем не так!

Хочется привести еще примеры, когда в сказках не осуществляются необходимые, говоря современным языком, меры безопасности. Условия жизни требуют дополнительных мер по охране жизни и здоровья детей. Дети выпадают из окон с высоких этажей, теряются в городе и на природе, становятся жертвами маньяков и педофилов, попадают под влияние различных деструктивных организаций, в том числе через сеть Интернет, да все риски и не перечислить. Жизнь страшнее любой сказки, но что мы находим в них? Вот сказка «Дюймовочка», почему жабе удалось украсть ее? Оказывается, мать поставила люльку с Дюймовочкой на окно, где было разбито стекло, о чем прямо сказано в начале повествования. Про поход Красной Шапочки через лес к бабушке уже много раз упоминалось, но ведь дети пропадают, значит, их все-таки оставляют без присмотра на улице и разрешают самостоятельно отправляться куда-то.

Каждое преступление педофилов вселяет ужас в любого нормального человека, возникает вопрос: как получается, что дети доверяются этим нелюдям? Ответ можно найти в книге про Малыша и Карлсона. Ребенку не хватало общения, внимания, и Малыш с радостью доверился Карлсону (которого, кстати, на его родине в Швеции считают исключительно отрицательным персонажем), потому что тот проявил интерес к мальчику и внес разнообразие в его жизнь. Если ребенок всю необходимую заботу и внимание к себе получает в семье, он не будет испытывать такой потребности в поисках «друга», следовательно, будет более гарантирован от возможного общения с маньяком.

Все сказанное свидетельствует о необходимости расширительного подхода к трактовке «злоупотребления родительскими правами» и «уклонения от выполнения родительских обязанностей».

Дополнить можно еще своего рода риторическим вопросом: если родители выделяют значительные суммы ребенку и приобретают для него все по первому требованию, но при этом не вникают в его интересы, проведение досуга, а относительно учебы ограничиваются ответом, что «все ок», это будет надлежащее выполнение родительских обязанностей или нет?

Необходимо обратить внимание на особое основание для лишения родительских прав, связанное с совершением родителем умышленного преступления против жизни и здоровья детей или других членов семьи. Хотя закон (п. 6 ст. 69 СК РФ) называет основанием совершение преступле-

ния, но фактически это подразумевает вступление в законную силу соответствующего приговора суда или постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, только после этого можно обращаться в суд с иском о лишении родительских прав. Представляется, что это не соответствует интересам ребенка. Является не совсем понятным, почему в соответствии со статьей 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ гражданский иск в уголовном деле может быть заявлен только по имущественным требованиям. Защита ребенка более значима, необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство и установление права на заявление иска о лишении родительских прав в уголовном процессе по делу о преступлении против жизни или здоровья детей и других членов семьи. Это уже было обосновано со ссылкой на печальную статистику о количестве подобных преступлений [11, с. 93–94].

Подвергать несовершеннолетнего, который стал жертвой преступных деяний своего родителя, повторному участию в судебном разбирательстве (ведь в уголовном процессе он выступает потерпевшим или свидетелем, а в гражданском надо заслушать его мнение) с очевидностью противоречит принципу гуманизма и интересам ребенка.

Еще одна проблема заслуживает специального исследования. В настоящее время никто не оспаривает, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, хотя это прямо и не закреплено в законе. Но общее правило применения ответственности предполагает возмещение вреда, причиненного противоправными действиями, однако этот вопрос не предусмотрен непосредственно в законе, и анализ судебной практики показывает, что это не является предметом судебного разбирательства и решения. Такое возможно только при рассмотрении уголовного дела в отношении родителя, но ведь этого недостаточно. Почему моральный вред компенсируется за некачественную вещь или услугу, а злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с ребенком, да просто отказ от общения – разве не доставляют гораздо большие моральные страдания? Пожалуй, ребенок воспринимает острее полное невнимание к себе, чем даже неуплату алиментов на его содержание. Но часть 3 статьи 70 СК РФ предусматривает только решение вопроса о взыскании алиментов.

Помимо морального вреда в большинстве случаев можно ставить вопрос и о взыскании материального ущерба, ведь даже денежные средства, выделяемые как пособие на детей, нередко расходуются совершенно на другие цели. Так, в решении Ржевского городского суда [12] по иску отца ребенка о лишении родительских прав матери указано, что практически с рождения сына ответчица не занималась его воспитанием, а все выплаты и пособия, полученные ею на ребенка, расходовала на собственные нужды.

Аналогичная ситуация описана и по другому делу, когда мать тратила детские пособия на себя,

два ребенка от первого брака проживали с отцом, а двое других находились на иждивении бабушки, которая при этом пыталась защищать дочь и не поддержала требование о лишении ее родительских прав [13]. Это решение, поскольку мать лишала родительских прав сразу в отношении четырех детей, вызывает вопрос о том, кто получал средства материнского капитала и были они как-то потрачены. Если о расходовании детских пособий хоть упоминается в решениях, то про материнский капитал даже не вспоминают в суде.

В соответствии с законом при выплате средств материнского капитала не учитывают детей, в отношении которых было решение о лишении родительских прав, но раз лишения не было, значит право возникало. Целесообразно дополнить статью 70 СК РФ указанием на то, что при вынесении решения о лишении родительских прав необходимо решать вопрос о возмещении имущественного ущерба, в том числе в связи с нецелевым использованием средств детских пособий, а также исследовать вопросы, связанные с выплатой и расходованием средств материнского капитала. При установлении фактов причинения ребенку морального вреда его компенсация должна также входить в предмет судебного решения о лишении родительских прав.

В семейном законодательстве нет норм о том, в каком порядке подлежат рассмотрению дела о лишении родительских прав. В части 1 статьи 70 СК РФ указано, что дела возбуждаются по заявлению определенных лиц. В гражданском процессуальном законодательстве применяются два понятия: исковое заявление – для искового производства и просто заявление – для особого производства. Но поскольку дела о лишении родительских прав не названы в подразделе IV «Особое производство» Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), то к ним применяются правила искового производства. Несоответствие правовой природы дел о лишении родительских прав в связи с преобладанием в предмете их защиты публичного интереса обосновывалось еще более двадцати лет назад [14, с. 9]. Но никаких изменений процессуального порядка их разрешения не происходит.

В исследованиях, посвященных процессуальным вопросам рассмотрения дел о защите прав несовершеннолетних, содержится достаточно много предложений о необходимости установления тех или иных процессуальных правил. Хотя далеко не все представляются удачными и достаточно обоснованными. Исследуя защиту прав несовершеннолетних в гражданском процессе, Л. И. Попова предлагала при неявке прокурора, даже надлежаще извещенного, в процесс по делу о лишении родительских прав применять обязательное отложение дела [15, с. 6]. Как показывает практика, не всегда позиция прокурора достаточно обоснована, да и суд не всегда соглашается с ней. Поэтому участие прокурора с целью дачи заключения по делу нельзя признать препятствием для рассмотрения дела. Не совсем понятно и предложение о

необходимости установления альтернативной подсудности со ссылкой на неизвестность места нахождения ответчика, ведь это относится к общему правилу альтернативной подсудности.

Предложение В. И. Цукановой о запрете применения правила заочного производства по делам о лишении родительских прав [16, с. 7–8] вряд ли следует закреплять законодательно. Судья должен сам решать этот вопрос, исходя из обстоятельств дела, если это в интересах ребенка, то не применять правила заочного производства. Кстати, заочные решения суды по этим делам выносят крайне редко, хотя по большинству дел надлежаще извещенные ответчики не являются в судебное заседание.

Практически большая часть исследований посвящена в значительной степени предмету доказывания, то есть основаниям лишения родительских прав, но есть один важный момент, который предусмотрен статьей 57 СК РФ и является предметом исследования не только юристов, но и психологов. Правило названной статьи предполагает, что обязательен учет мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста, но с оговоркой, чтобы это не противоречило его интересам.

Прежде всего в науке наметился неоднозначный подход к установлению возраста, по достижении которого надо заслушивать в суде мнение ребенка. Предлагается и много вариантов деления несовершеннолетних на группы в соответствии с возрастом и объемом правосубъектности. Ю. Н. Авдонина обосновала, что полностью недееспособными являются дети до шести лет, а с шести до 14 уже имеют частичную дееспособность. Но при этом она не предлагает понизить возраст, с которого надо заслушать мнение ребенка, до шести лет, но считает целесообразным приостанавливать производство по делу, если остается полгода до достижения ребенком десятилетнего возраста [17, с. 10–12]. Такое решение вряд ли отвечает интересам ребенка и не только по делам о лишении родительских прав, а по всем делам, связанным с воспитанием детей, ведь эти полгода будут потеряны в большинстве случаев для ребенка и его родителей, он же быстро растет, а уж приостанавливать дела о лишении родительских прав просто недопустимо по такому основанию.

Представляется более обоснованной позиция Е. В. Карпеевой о том, чтобы для решения вопроса об учете мнения закрепить не возраст, а уровень зрелости и развития ребенка [18, с. 10–11]. А вот предложение о том, чтобы суд выяснял, желает ли несовершеннолетний выразить свое мнение, нельзя признать достаточно обоснованным. Если ребенок уже приглашен на заседание суда, правильнее попытаться выяснить его мнение, в том числе с помощью определенных вопросов. При этом у ребенка, безусловно, есть право самому без вопроса об этом со стороны суда отказаться от выражения своего мнения, что тоже должно стать предметом оценки со стороны суда. Ведь не является секретом, что родители пытаются повлиять на формирование мнения ребенка.

В этом главная сложность для суда, и без определенной помощи специалиста трудно решить эту проблему. Поэтому существенным пробелом процессуального законодательства является то, что нет специального порядка получения мнения ребенка, в ГПК РФ есть только правило статьи 179 о допросе несовершеннолетнего свидетеля. Но ребенок не может быть свидетелем по делу, где решается вопрос о его правах и интересах. Кроме того, уже неоднократно обращалось внимание на необходимость замены педагогического работника на специалиста-психолога [19, с. 31–32].

Еще возникают вопросы, как суд учитывает мнение несовершеннолетних и находит в них противоречие их интересам. Так, из решения Ржевского городского суда следует, что по делу о лишении родительских прав отца обе дочери высказались за удовлетворение иска, причем одной уже через полгода должно было исполниться 18 лет, а другой уже исполнилось 15. Но судья отказал в удовлетворении иска о лишении отца родительских прав и при этом не дал никакого обоснования тому, в чем усматривается противоречие интересам дочерей их мнению [20].

Остается нерешенным и один из главных вопросов, если лишение родительских прав относится к делам искового производства, кто же является надлежащим истцом по делу, ведь это должен быть субъект спорного правоотношения, следовательно, сам ребенок, но он не назван в статье 70 СК РФ, что вопреки общему правилу части 2 статьи 56 СК РФ влечет то, что иногда отказывают в принятии соответствующего заявления от ребенка, достигшего возраста 14 лет. Необходимость законодательного закрепления самостоятельного процессуального статуса ребенка уже была достаточно обоснована [21, с. 71–72]. И пока эта проблема не будет решена в полной мере, трудно говорить об эффективности судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних при рассмотрении дел о лишении родительских прав.

Проблема процессуального статуса касается не только самих детей, нет должного решения о процессуальном положении и других участников процесса о лишении родительских прав. Нередки случаи, когда после расторжения брака родители проживают в разных городах достаточно далеко друг от друга. Родитель, с которым остался ребенок, не всегда надлежаще осуществляет свои родительские права и обязанности, при этом родитель, проживающий отдельно от ребенка, выполняет все имущественные обязанности, но его обще-

ние с ребенком очень ограничено. К родителю, с которым проживает ребенок, может быть предъявлен иск о лишении родительских прав прокурором или иным органом, в этом случае почему-то второго родителя привлекают в качестве третьего лица. Учитывая, что родители имеют равные права и обязанности по воспитанию детей, второй родитель не может и не должен оставаться пассивным участником процесса. Он должен занять положение заявителя совместно с теми, кто уже обратился в суд, или также стать ответчиком, ведь отдаленное проживание не освобождает родителя от его обязанностей, в том числе по защите прав ребенка, и, если он не выполняет эти обязанности, должен решаться вопрос и о целесообразности лишения и его родительских прав.

Это очень важные, но все-таки частные вопросы процессуального порядка лишения родительских прав. Главной проблемой является необходимость определения вида гражданского судопроизводства. Следует согласиться с А. Ю. Тенькаевым [22, с. 15], что от правильного определения вида судопроизводства зависит законность и обоснованность судебного решения и обеспечения защиты прав и законных интересов. Публичный интерес в делах о лишении родительских прав и специфика самих родительских правоотношений позволяют сделать вывод о необходимости специального процессуального регулирования данной категории дел, как это решил законодатель относительно рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основе международного договора.

Лишение родительских прав имеет не меньшую специфику, которая не укладывается полностью ни в исковое, ни в особое производство. Признавая лишение родительских прав мерой семейно-правовой ответственности, необходимо установить специальный процессуальный порядок. Причем это относится и ко многим другим делам, возникающим из семейных правоотношений. Преобладание публичного интереса требует введения в гражданский процесс нового вида производства, который обеспечит учет этой специфики, а каким он должен стать по перечню дел и процессуальным особенностям, требует серьезного и длительного исследования.

Пока ответим на главный вопрос темы: лишение родительских прав – это процесс привлечения к ответственности за нарушение родительских прав и обязанностей, которому тесно в рамках обычного искового производства.

Библиографический список

1. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-39/2019.
2. Архив Тверского областного суда. Дела № 2-1527/2022, № 33-4302/2022.
3. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-1527/2022.
4. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-510/2022.

5. Архив Заволжского районного суда города Твери. Дело № 2-512/2022.
6. Сапрыкин К. Н. Представительство прав и интересов ребенка по гражданскому и семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 20 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/909346?ysclid=loy3u82rus603028692>.
7. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-358/2021.
8. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-668/2021.
9. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-1081/2022.
10. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дела № 2-139/2022; № 2-914/2022.
11. Андреев В. Л., Туманова Л. В. Статистика и проблемные вопросы защиты несовершеннолетних от противоправных действий // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 4. С. 80–96. URL: <http://eprints.tversu.ru/7394/>.
12. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-476/2021.
13. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-436/2022.
14. Туманова Л. В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 59 с.
15. Попова Л. И. Защита прав несовершеннолетних в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 18 с.
16. Цуканова В. И. Особенности судопроизводства по делам о лишении родительских прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005479517.pdf?ysclid=loy6yoiu98239508710.
17. Авдонина Ю. Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 21 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1416584283/Avdonina_Yu.N._Avtoreferat.pdf.
18. Карпеева Е. В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 31 с. URL: https://usla.ru/science/dissovet/file/base/5/562/autoabstract_dl.pdf.
19. Туманова Л. В. Статус лиц, содействующих правосудию, как важный фактор в доказывании // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 1 (73). С. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.1.027>.
20. Архив Ржевского городского суда Тверской области. Дело № 2-185/2021.
21. Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.
22. Тенькаев А. Ю. Производство по делам неискового характера в кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 28 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/27-03-2023-1r.pdf>.

References

1. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-39/2019* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-39/2019] [in Russian].
2. *Arkhiv Tverskogo oblastnogo suda. Dela № 2-1527/2022, 33-4302/2022* [Archive of the Tver Regional Court. Cases № 2-1527/2022, 33-4302/2022] [in Russian].
3. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-1527/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-1527/2022] [in Russian].
4. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-510/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-510/2022] [in Russian].
5. *Arkhiv Zavolzhskogo raionnogo suda goroda Tveri. Delo № 2-512/2022* [Archive of the Zavolzhsky District Court of the city of Tver. Case № 2-512/2022] [in Russian].
6. Saprykin K. N. *Predstavitel'stvo prav i interesov rebenka po grazhdanskomu i semeinomu zakonodatel'stvyu Rossiiskoi Federatsii: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Representation of the rights and interests of a child under civil and family legislation of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2017, 20 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/909346?ysclid=loy3u82rus603028692> [in Russian].
7. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-358/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-358/2021] [in Russian].
8. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-668/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-668/2021] [in Russian].

9. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-1081/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-1081/2022] [in Russian].
10. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Dela № 2-139/2022; № 2-914/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Cases № 2-139/2022; № 2-914/2022] [in Russian].
11. Andreev V. L., Tumanova L. V. *Statistika i problemnye voprosy zashchity nesovershennoletnikh ot protivopravnykh deistvii* [Statistics and problems of protection minors of adverse events]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Vestnik Tver State University. Series: Law], 2017, no. 4, pp. 80–96. Available at: <http://eprints.tversu.ru/7394/> [in Russian].
12. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-476/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-476/2021] [in Russian].
13. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-436/2022* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-436/2022] [in Russian].
14. Tumanova L. V. *Zashchita publichno-pravovykh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Protection of public legal interests in civil proceedings: author's abstract of Doctoral of Legal Sciences]. Saint Petersburg, 2002, 59 p. [in Russian].
15. Popova L. I. *Zashchita prav nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of the rights of minors in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 2006, 18 p. [in Russian].
16. Tsukanova V. I. *Osobennosti sudoproizvodstva po delam o lishenii roditel'skikh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Peculiarities of legal proceedings in cases of deprivation of parental rights: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2012, 26 p. Available at: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005479517.pdf?ysclid=loy6yoiu98239508710 [in Russian].
17. Avdonina Yu. N. *Protsessual'nye osobennosti zashchity prav i okhranyaemykh zakonom interesov nesovershennoletnikh v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Procedural features of the protection of the rights and legally protected interests of minors in civil proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kazan, 2023, 21 p. Available at: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F1416584283/Avdonina_Yu.N._Avtoreferat.pdf [in Russian].
18. Karpeeva Ye. V. *Zashchita v grazhdanskom sudoproizvodstve prav nesovershennoletnikh, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ei: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Protection in civil proceedings of the rights of minors left without parental care: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2022, 31 p. Available at: https://usla.ru/science/dissovet/file/base/5/562/autoabstract_dl.pdf [in Russian].
19. Tumanova L. V. *Status lits, sodeistvuyushchikh pravosudiyu, kak vazhnyi faktor v dokazyvanii* [Status of assistants of justice as an important factor in evidence]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Vestnik Tver State University. Series: Law], 2023, no. 1 (73), pp. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.26456/vtpravo/2023.1.027> [in Russian].
20. *Arkhiv Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoi oblasti. Delo № 2-185/2021* [Archive of the Rzhev City Court of the Tver Region. Case № 2-185/2021] [in Russian].
21. Tumanova L. V. *Samostoyatel'nyi protsessual'nyi status nesovershennoletnego* [Independent Procedural Status of a Minor]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2023, no. 1, pp. 70–74. DOI: http://doi.org/10.52433/01316761_2023_01_70. EDN: MEOUWS [in Russian].
22. Tenkayev A.Yu. *Proizvodstvo po delam neiskovogo kharaktera v kodekse administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Proceedings in non-claim cases in the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 28 p. Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/27-03-2023-1r.pdf> [in Russian].